

На правах рукописи

Звоновский Владимир Борисович

**СОЦИАЛЬНОЕ ОСВОЕНИЕ
ПРОСТРАНСТВА ПОВСЕДНЕВНОСТИ
В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА**

Специальность 22.00.04 – Социальная структура,
социальные институты и процессы

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора социологических наук

Волгоград - 2013

Работа выполнена в Федеральном государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Самарский государственный экономический университет».

- Научный консультант – доктор социологических наук, профессор
Дулина Надежда Васильевна.
- Официальные оппоненты:
- доктор социологических наук
Ильин Владимир Иванович
ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский
государственный университет», профессор
кафедры социологии культуры и
коммуникации;
- доктор философских наук, профессор
Стризое Александр Леонидович
ФГАОУ ВПО «Волгоградский
государственный университет»,
профессор кафедры философии;
- доктор социологических наук, профессор
Филиппов Александр Фридрихович
НИУ «Высшая школа экономики»,
заведующий кафедрой практической
философии.
- Ведущая организация – НОУ ВПО «Европейский университет в
Санкт-Петербурге».

Защита диссертации состоится «26» июня 2013 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.029.06 при Волгоградском государственном университете по адресу: 400062, г. Волгоград, проспект Университетский, 100, ауд. 2-05 В.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Волгоградского государственного университета.

Автореферат диссертации размещен на официальном сайте ФГАОУ ВПО «Волгоградский государственный университет» – <http://new.volsu.ru>

Автореферат разослан « ____ » _____ 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор социологических наук, доцент

О. В. Сергеева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Кардинальные изменения скорости осуществления, содержания и эмоциональной нагруженности социальных коммуникаций обусловили появление противоречивых оценок влияния пространственной локализации и расстояний на взаимодействие субъектов. С одной стороны, в социологической теории доминирует представление о том, что общество (и индивид) наблюдает то пространство, которое общество сконструировало в данный исторический момент в ходе своей деятельности. Результатом этой формы взаимодействия между пространством и обществом признается процесс «социологизации» пространства, т. е. придание пространству специфически социологических характеристик – политическое пространство, пространство досуга и пр. С другой стороны, в последние десятилетия, когда межчеловеческое взаимодействие значительно интенсифицировалось, стало заметно, что непосредственная коммуникация формирует несколько иные формы и структуру социального взаимодействия, чем коммуникации, осуществляемые через расстояния. Пространство не стало более значимым или менее заметным, оно стало переменной величиной социальных обменов.

Технические средства способствовали созданию новых форм социального взаимодействия, где физическое пространство уступает место пространству социальному, где происходит отмена пространства, отмена границ или победа над пространством: между странами, между культурами, между поколениями, между полами. Такое преодоление пространства, происходящее повседневно, расширяет сферу индивидуального. Тем не менее, физическая определенность человека, а значит, и его место в материальной среде, представляется очевидным. Родившись, человек изначально определен в некотором месте уже в силу того, что имеет тело, причем таким образом, что расположение его в одной точке пространства исключает нахождение в этой точке других объектов. Проникновение таких объектов в область, занятую индивидом, может

стимулировать последнего (помимо противодействия такому проникновению) к уходу из этой области либо попросту уничтожению данного индивида. Один этот факт делает пространство непосредственным участником социальных взаимодействий. Тем не менее, пространство не только посредник социального взаимодействия индивидов и их групп, но и его участник.

Пространственная диспозиция социальных акторов, в частности, их территориальная дифференциация, влияет не только на объективные показатели локальных социальных общностей (хозяйственная активность, уровень жизни и другие), но и на различные формы культурной и духовной жизни общества. Социологический ракурс изучения пространственного аспекта взаимодействия в современных условиях отличается новизной и сложностью как в теоретическом, так и в практическом планах. Необходимость диссертационного исследования обусловлена своевременностью анализа процессов конструирования пространства социального взаимодействия как индивидом, так и обществом в целом, с целью выявления факторов, влияющих на процессы социальной идентичности и формирование социальных групп – локальных и национальных.

Степень разработанности проблемы. Научная база изучения социального взаимодействия в пространстве создана представителями различных наук в России и за рубежом, весьма широка по охвату и разнообразна по инструментам. В самом общем виде можно выделить три направления исследований. Первое движется по линии осмысления социального поведения на более или менее ограниченной территории: поселение, город, регион, страна. Второе направление исследований фокусируется на способах трансляции социального знания из одной территории в другую и между социальными группами на одной территории. Третье представляет собой исследование того, как различные отвлеченные (научные, религиозные, мифологические) представления о пространстве транслируются в массовое сознание.

Важным направлением социологического осмысления пространства является социологическая теория города. М. Вебер описывает процесс возникновения и развития города как хозяйственной корпорации, а сам процесс развития как социальную борьбу. Результатом последней становится особая хозяйственная политика города, регулирующая «естественные условия» в производственно-потребительных интересах городского населения при игнорировании интересов негородского населения. По мере усложнения города как набора социальных институтов появляются исследования внутригородской среды. Одной из важнейших тем эмпирических исследований Р. Парка была «городская экология», в рамках которой изучалась адаптация различных социальных групп к городскому ландшафту. Его последователи Э. Бёрджесс, Л. Вирт исследовали взаимосвязь между поведением социальных групп и городской топографией.

Современные исследования городского пространства и адаптации к его условиям населения города связаны с именами А. Лефевра и М. Кастельса, которые исходили из того, что город есть социальное объединение, созданное для решения экономических проблем, а в условиях рыночной экономики – для решения задач максимизации прибыли. Поэтому современные города представляют собой не только концентрацию материальных и гуманитарных ресурсов, но и способ сегрегации и установления барьеров для различных социальных групп в доступе к общественному продукту. Адаптация городских сообществ России к постсоветским социальным условиям была проанализирована в работах В. Глазычева, Н. Дулиной, А. Левинсона, А. Стожарова, А. Стризое, В. Токарева и др.

Проблемам формирования и развития территориальных общностей и их взаимодействию посвящены работы М. Вебера и Э. Шилза. Последнему принадлежит ряд ценнейших выводов о взаимодействии культурных и институциональных систем в пространстве. Он первым разработал понятие «культурно-нейтральная территория».

Социальный смысл территориальности России анализировался А. Ахиезером, С. Лурье, Р. Пайпсом. В центре их внимания – колонизация и освоение присоединявшихся к России территорий, а также восприятие территории как феномена народного и массового сознания.

З. Бауман, А. Лефевр отстаивали конструктивистский характер современного понятия пространства, описывая исторический процесс формирования представлений о нем влиянием задач, стоящих перед социумом и государством. В последние десятилетия появилось много работ, посвященных формированию в больших социальных группах и общностях хозяйственных практик под влиянием отдельных факторов духовной жизни: межиндивидуального доверия (А. Селигмен, Ф. Фукуяма), локализации ответственности за свое материальное положение (Л. Кесельман, К. Муздыбаев, Дж. Роттер).

Оформление социологии пространства как отдельной области социального знания произошло в социологических концепциях П. Бурдьё, Б. Верлена, Г. Гарфинкеля, Э. Гидденса, И. Гофмана, А. Лефевра. В российской социологии пристальное внимание теме пространства уделяют В. Виноградский, А. Филиппов, В. Ярская, Е. Ярская-Смирнова. Сегодня проблематика пространственности социального взаимодействия концентрируется, прежде всего, в исследованиях процессов социальной коммуникации и формирования социальной идентичности.

Значительный вклад в изучение проблемы пространственности социальных отношений внесли географы – А. Вебер, Б. Верлен, В. Кристаллер, А. Леш, И. Тюнен. Со временем фокус их исследований сместился от изучения собственно пространства к анализу значения пространства как среды различных социальных процессов.

Проблемы современной организации пространства, в том числе и интенсивных обменов между крупными социальными общностями, исследовались в рамках «миросистемной» теории (Ф. Бродель, И. Валлерстайн, Ф. Зехнер и Р. Робертсон). Работы представителей этой концепции были

подвергнуты острой критике, в частности Э. Гидденсом, М. Манном, Й. Фергюссоном, отрицавшими исключительность экономических факторов в глобальном социальном взаимодействии и вводящими в поле исследований более широкий спектр локальных переменных (политика, религия, культура).

Вопросы территориальной и национальной идентичности в их отношении к государству и его институтам затрагивали в своих работах Э. Геллнер, Э. Гидденс, Ч. Тили, Й. Фергюссон, Ф. Фукуяма, С. Хантингтон и др. Взаимоотношение российского государства и его институтов с региональными общностями исследовалось отечественными учеными В. Волковым, В. Гельманом, Г. Голосовым, В. Радаевым и др. Важные эмпирические результаты в этой проблематике получили Б. Дубин, Ю. Левада, описавшие феномен «человека лукавого», имеющего и стремящегося сохранить двойственную идентичность.

Ряд социологов концентрирует внимание на изучении социального освоения пространства, непосредственно прилегающего к индивиду и находящегося в поле его повседневных практик. Так, Г. Зиммелю принадлежит идея о том, что социология изучает отношения людей, размещенных тем или иным образом в пространстве. Теоретические разыскания Э. Дюркгейма, Р. Мертона, Т. Парсонса, П. Сорокина и Ф. Тенниса включали в себя описание различных типов освоения пространств. Пространство было важнейшим, хотя и не всегда вербализированным элементом в концепциях символического интеракционизма, в частности, Г. Блумера и Дж. Мида, поскольку сам по себе символический обмен подразумевает пространство повседневной коммуникации как среду обменов.

В сфере изучения пространства находятся исследования социальной коммуникации, представленные, прежде всего, постмодернистским направлением. Один из лидеров постмодернизма в социальных науках Ж. Бодрийяр прямо заявлял о «преодолении и отмене пространства». Кроме него пространственный аспект социального взаимодействия с позиций модернистского и постмодернистского подходов рассматривают З. Бауман,

Дж. Дебор, Ж. Делез, Ж.-Ф. Лиотар, Р. Рорти, Э. Фромм, М. Фуко. Значительный вклад в эмпирические исследования постмодернистского общества и его ценностей внес Р. Ингельхарт, продемонстрировавший межкультурные различия в освоении постмодернистских ценностей в рамках проекта «World Value Survey». Развиваемая автором критика постмодернистского проекта опирается на работы Дж. Серла, натуралистический подход которого позволяет увидеть не только то, каким образом общество формирует социальную реальность, но и как повседневное поведение влияет на функционирующие социальные институты.

Формы влияния социальной коммуникации на общественное мнение и массовое сознание могут быть различными. Если У. Липманн, Н. Луман, Э. Ноэль-Нойман изучали в целом влияние масс-медиа на повестку дня, обсуждаемую в данный момент в обществе, то М. Маклюен детализировал воздействие каждого из каналов социальной коммуникации на общество и отношения в нем, а Дж. Карлсон, Н. Постмэн концентрируют свои усилия на самом влиятельном виде массовой коммуникации – телевидении. Д. Цаллер исследует влияние событий общественной жизни различной актуальности на общественное мнение. Среди отечественных исследователей воздействия социальной коммуникации на массовое сознание необходимо выделить Л. Кесельмана, Ю. Леваду и М. Назарова, И. Ясавеева и др.

Эмпирические исследования освоения индивидом и обществом окружающего пространства связаны, прежде всего, с картографированием городской среды в экспериментах С. Милграма. Глубокий и всесторонний анализ различных визуальных объектов содержится в работах В. Ильина, О. Запорожец, К. Линча, П. Романова, Е. Трубиной, А. Филиппова, Е. Ярской-Смирновой и др. Качественный анализ фотографий и видеозаписей, выполненный П. Штомпкой, сформировал современную «визуальную социологию», в парадигме которой сегодня проводятся эмпирические исследования пространства.

Социальное определение пространства включают в себя изучение процессов формирования социального знания, его трансформации в повседневные практики из научной, религиозной или мифологической сфер. Чаще всего в этом направлении работает социология знания.

Фундаментальная проблематизация концепции пространства в социальных науках была осуществлена И. Кантом, впервые обратившим внимание на имманентную двойственность представлений человека о пространстве. Его мысль о двойственности стала отправной точкой для анализа повседневности, в том числе повседневного освоения пространства жизненного мира, проведенного Э. Гуссерлем и А. Шюцем. Развитие идей этих ученых позволило П. Бергеру и Т. Лукману разработать концепцию социального конструирования реальности. В совместном труде этих авторов подробно описаны процессы возникновения и развития социальных представлений о повседневных практиках.

При разработке типов освоения повседневного пространства автор обращается к концепциям жизненного мира индивида в различные исторические периоды. Значительный интерес для анализа повседневных практик в Античности и Средневековье представляют собой работы Ю. Андреева, А. Гуревича, А. Койре, А. Лосева, М. Оссовской, О. Шпенглера и др. В последние годы изучение повседневных практик индивида, реализуемое в интердисциплинарной парадигме, создало большой объем плодотворных исследований и гипотез, изложенных, в частности, И. Быховской, Дж. Гибсоном, Э. Понсоном, Э. Холлом, И. Толмэном, М. Элиаде и др.

В социальных науках термин «пространство» заимствован из естественных наук – математики и физики, где он имеет относительно точные определения и сферы применения. При этом важным представляется не только то, как сегодня ученые формулируют понятия пространства и времени (А. Акоста, Р. Фейнман, С. Хокинг и др.), но и то, под воздействием каких исторических факторов формировалось рассматриваемое понятие, как оно используется сейчас (Ю. Андреев, А. Койре, Т. Кун, М. МакКлоски,

П. Фейрабенд и др). Понятие пространства, перенесенное из точных наук, сегодня не имеет четкого определения, а часто остается метафорой. Сложную эволюцию пространства как метафоры в пространство как понятие анализировали З. Бауман, Х. Блюменберг, Л. Гудков, А. Лефевр, Д. Урри, А. Филиппов.

При исследовании пространства как одной из фундаментальных форм социальной реальности важным является вопрос о методе. Очевидно, что использование традиционных методов сбора и анализа данных, таких как опрос и корреляционный анализ, для изучения повседневности потребовало пересмотра и тестирования используемого этими методами инструмента. В методологической литературе имеется большой выбор вариантов тестирования инструмента: свои версии предлагают С. Садмен, Н. Брэдберн, К. Крюгер, А. Мягков, Н. Погосян, Д. Рогозин, Н. Шварц и др.

Таким образом, в отечественной и зарубежной социологии, а также смежных с ней науках – урбанистике, истории, философии, аккумулирован значительный опыт исследований пространственности социального взаимодействия. Хорошо изучены процессы социального конструирования городского пространства, его зонирования различными социальными группами. Однако слабо проанализированы вопросы, связанные с повседневным освоением пространства, системой коммуникаций, информирующих индивида о событиях в различных частях этого пространства. Эмпирическая база таких исследований недостаточна для выявления динамики развития повседневного освоения пространства, а использование различных терминов в теории носит преимущественно метафорический характер.

В связи с этим **целью исследования** является теоретическое обоснование и эмпирическая апробация комплексного подхода к изучению типологии форм и механизма социального освоения пространства повседневной деятельности и взаимодействия.

Реализация поставленной цели предполагает последовательное решение следующих **задач**:

1) обобщить накопленный объем теоретических и эмпирических исследований пространства и его элементов (город, территория, социальный ландшафт), разработать комплексный подход, основанный на количественных и качественных методах измерения социального пространства;

2) разработать типологию форм социального освоения пространства повседневной деятельности и взаимодействия в зависимости от источников получения информации об окружающем мире и выявить влияние современных средств коммуникации на формирование привлеченного опыта, с одной стороны, и влияние непосредственного опыта индивидов на их социальное поведение, с другой;

3) выявить механизм социального освоения пространства повседневной деятельности и взаимодействия и формирования социальных представлений об этом пространстве: рассмотреть ситуации формирования представлений о пространстве непосредственного социального взаимодействия и о пространстве, удаленном за пределы непосредственного восприятия;

4) обосновать характерные особенности современных каналов социальной коммуникации, через которые индивид и социальные группы получают информацию о пространстве, как близлежащем, так и далеком;

5) раскрыть взаимосвязь между привлеченным и собственным опытом социального освоения пространства повседневной деятельности и взаимодействия; предложить возможные пути выхода из сложных жизненных ситуаций, основанные на альтернативном выборе одной из форм социального освоения пространства повседневной деятельности и взаимодействия;

6) разработать принципы эмпирического исследования социального освоения пространства повседневной деятельности и взаимодействия различными социальными группами, провести социологическое исследование, используя количественные и качественные методы сбора информации о различных сферах пространства повседневности, сопоставляя полученные данные с результатами всероссийских опросов населения по сходной тематике;

7) провести компаративное исследование форм социального освоения пространства повседневной деятельности и взаимодействия в различных обществах на основе вторичного анализа данных, собранных в иной культурной и пространственной среде в сопоставимый период времени и по сопоставимым показателям.

Объектом исследования является социальное взаимодействие в современных условиях.

Предметом исследования являются процессы социального освоения пространства повседневной деятельности и взаимодействия.

Методологическую основу исследования составляют работы П. Бергера, Т. Лукмана, А. Шюца, посвященные социальному конструированию пространства. Авторский метод научного объяснения построен на интеграции фундаментальных принципов интерпретативной парадигмы в целом и феноменологии в частности, дополняемых идеями структурной парадигмы. Работы Э. Дюркгейма, П. Сорокина, Э. Шилза демонстрируют преимущественно социальное отношение к пространству. В них нашла отражение проблема воздействия пространства на общества и межиндивидуальные отношения в них. Кроме того, методологическую основу исследования сформировали работы по социологии города и урбанистике, в центре внимания которых возникновение и развитие социальных институтов в городах. Здесь в первую очередь необходимо назвать труды Э. Берджесса, М. Вебера, Л. Вирта, М. Кастельса, Р. Парка и др.

При оценке и описании воздействия коммуникативных процессов на индивидуальное и общественное сознание, взаимодействия информации, поступающей по каналам социальной коммуникации, и информации, представляющей для индивида личный повседневный опыт, были использованы, прежде всего, работы Э. Гидденса, П. Лазарсфельда, М. Маклюена, Р. Мертона, Б. Фирсова.

Представления о пространстве повседневного опыта человека были изучены и описаны собственно социологами в этнометодологической и

символической традиции (Г. Блумер, Г. Гарфинкель, И. Гофман), а также в исследованиях социальных антропологов, касающихся представлений различных обществ в различные эпохи о пространстве непосредственно их окружающем и о космическом (И. Быховская, С. Лурье, Э. Понсон, М. Элиаде).

На формирование эмпирической основы диссертации оказали влияние труды А. Готлиб, Л. Кесельмана, А. Шюца и др., а также работы, затрагивающие вопросы методологии отдельных стратегий социологических исследований: Н. Брэдберн, С. Садмен, Д. Рогозин, Д. Цаллер, Н. Шварц, П. Штомпка. и др.

Важным элементом теоретической части исследования являются работы по теории пространства в точных науках, особенно в тех их частях, которые «переносятся» в социологию. В них анализировались конкретные формы понятия «пространство», заимствованные в социальные науки. Одним из наиболее известных вариантов такого «переноса» являются работы П. Бурдьё по теории социального пространства. В отечественной социологии метафоричность использования понятия пространства в современной социологии и границы его применения обсуждают Л. Гудков, А. Филиппов, Н. Шматко и др., что также повлияло на авторскую концепцию.

Эмпирическую базу для первичного анализа в диссертационной работе составили данные социологических исследований, выполненных под руководством и с участием автора (1994–2010 гг.):

1. «Адаптация различных социальных групп населения г. Самары к изменяющимся условиям жизни» (1994 г., опрос по методу уличного интервью, N=2260). Выборочная совокупность сформирована квазислучайно, квотирована по территориальному принципу. Исследованы оценки материальных атрибутов повседневной реальности у взрослого населения г. Самары.

2. «Поведение различных социальных групп населения города Самары в условиях экономического кризиса» (1999 г., опрос по методу уличного интервью, N=2374). Выборочная совокупность сформирована квазислучайно,

квотирована по территориальному принципу. Исследованы оценки атрибутов повседневной реальности у взрослого населения г. Самары.

3. «Поведение различных социальных групп населения города Самары в условиях экономического роста» (2006 г., опрос по методу уличного интервью, N=2140). Выборочная совокупность сформирована квазислучайно, квотирована по территориальному принципу. Исследованы оценки атрибутов повседневной реальности у взрослого населения г. Самары.

4. Социологический эксперимент, в ходе которого его участники – профессиональные фотографы, ни разу до этого не бывавшие в Самаре, – должны были составить и представить публике образ города (апрель 2010 года). Был проведен анализ фотографий (85 единиц), выполненный по преимуществу в качественной парадигме.

5. «Межрегиональный индекс кризисного сознания» (2008–2009 гг.). Были проведены маршрутные и телефонные опросы (N=8075) и онлайн-опрос (N=1025) жителей этих же регионов. Были исследованы изменения потребительского поведения в условиях экономического кризиса.

Также автором осуществлен вторичный анализ данных следующих социологических исследований:

1. «American National Election Study 2002» сентябрь – ноябрь 2002 г. Опрос был проведен Группой ANES Мичиганского университета (г. Анн-Арбор, выборка, репрезентирующая население США, N=1300, опрос смешанным методом – по телефону и методом личного интервью). С помощью корреляционного анализа собранных данных была проведена проверка выдвинутых гипотез.

2. Мониторинг «Левада-Центра» (до 2003 года – ВЦИОМ), реализуемого с 1993 года в ходе опросов, репрезентирующих население России. С помощью корреляционного анализа собранных данных была проведена проверка выдвинутых гипотез.

3. Проект «Георейтинг» Фонда «Общественное мнение», реализуемого с 2003 года (волны 7, 8 и 13) в ходе опросов, репрезентирующих по отдельности

65 регионов России. С помощью корреляционного анализа собранных данных была проведена проверка выдвинутых гипотез.

Достоверность и обоснованность результатов исследования определяется непротиворечивыми теоретическими положениями, комплексным использованием теоретических и эмпирических методов, корректным применением положений социологии о социальных процессах, повседневных социальных и индивидуальных практиках, процессах социальной коммуникации. Результаты и интерпретации проведенного эмпирического исследования соотнесены с известными экспериментальными данными отечественных и зарубежных ученых.

Результаты диссертационного исследования автор формулирует как научные **положения, выносимые на защиту:**

1. Традиционно исследования процессов социального освоения пространства повседневной деятельности и взаимодействия осуществляются в рамках двух типов теорий, в основе которых различие объекта социального взаимодействия: теории пространственно ограниченных социальных институтов, изучающие город, провинцию, страну как целостность, и теории, сфокусированные на проблеме освоения индивидом пространства своей повседневной деятельности. Сложившаяся научная традиция ограничивает возможности исследования современного социального пространства, что обуславливает необходимость разработки и применения комплексного подхода к анализу явлений и процессов, интегрирующего достижения двух типов исследовательских практик к изучению процессов социального освоения пространства.

2. Комплексный подход к исследованию процесса социального освоения пространства повседневной деятельности и взаимодействия индивидами требует привлечения качественных методов для тестирования инструментов количественного измерения и использования различных видов статистического и математического анализа. Применение комплексного подхода обеспечивает получение достоверной информации о состоянии и характеристиках

социального взаимодействия в современных условиях, что позволяет выявить доминанты социального освоения пространства повседневной деятельности и взаимодействия.

3. В зависимости от источников получения информации об окружающем мире может быть предложена типология форм социального освоения пространства повседневной деятельности и взаимодействия, опирающаяся на опыт индивида – собственный и/или привлеченный. Привлеченный человеком опыт социального освоения пространства повседневной деятельности и взаимодействия, в целом, и социальная коммуникация, в частности, оказывает унифицирующее воздействие на повседневное поведение различных социальных групп, что способствует снижению рисков и напряжения социального взаимодействия и обеспечивает поступательное и устойчивое развитие социума в пространстве.

4. Собственный опыт социального освоения пространства повседневной деятельности и взаимодействия индивидами дифференцирует их восприятие социальной реальности, корректирует отношение к актуальным для больших социальных общностей проблемам и задает направление и параметры реального социального поведения, сохраняя при этом свою первостепенную значимость и оказывая влияние не только на формирование индивидуального, но и на формирование социального поведения в целом.

5. Механизм социального освоения пространства повседневной деятельности и взаимодействия включает: а) используемый индивидом собственный опыт освоения пространства, б) привлеченный опыт, который в самом общем виде охватывает научные представления и информацию, приобретенную в ходе обменов – материальных, информационных и символических, в) социальные коммуникации, обеспечивающие взаимосвязь и взаимодействие опыта собственного и привлеченного.

6. Формируя представления различных социальных групп о пространстве, удаленном за пределы непосредственного восприятия, средства социальной коммуникации обеспечивают функционирование механизма социального

освоения пространства повседневной деятельности и взаимодействия и формирования представлений о нем, используя образы, удобные для кодирования и трансляции сообщений. В процессе же представлений о пространстве непосредственного социального восприятия предпочтение отдается образам, однозначно считываемым в конкретном социокультурном пространстве.

7. Взаимосвязь между привлеченным и собственным опытом выражается в отношении индивида к событиям, находящимся за пределами пространственно ограниченной среды, которое формируется преимущественно на основе привлеченного, а не собственного опыта социального освоения пространства повседневной деятельности и взаимодействия, а также в том, что при отсутствии релевантного привлеченного опыта, ограничивающего индивида в его физической и пространственной подвижности, возникает возможность более интенсивного формирования собственного опыта.

8. Разработка принципов эмпирического исследования социального освоения пространства повседневной деятельности и взаимодействия различными социальными группами в силу сложности самого объекта исследования и отношения индивидов к различным сферам пространства повседневности требует применения комплексного подхода, что позволяет выявить устойчивость / неустойчивость определенных форм освоения пространства, установить связь между физической удаленностью пространства и способом формирования представлений о ситуации в нем.

9. Компаративное исследование форм социального освоения пространства повседневной деятельности и взаимодействия в различных обществах (Россия и США) свидетельствует, что собственный опыт индивида в значительной степени продолжает корректировать привлеченный, не давая тем самым социальной коммуникации монополизировать источники информации для отдельного человека. Универсальность тенденции, выявленной на российском материале в ходе исследования (1994-2006 гг.), подтверждена эмпирическими

данными, полученными в принципиально иной социальной среде – в обществе США.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в постановке, обосновании и решении задач социологического анализа представлений и повседневной деятельности индивидов в непосредственно окружающем их пространстве и находит отражение в следующем:

1. Представлен комплексный подход к исследованию процессов социального освоения пространства повседневной деятельности и взаимодействия, в основу которого положено различие между теориями пространственно ограниченных социальных институтов (города, провинции, страны) и теориями, сфокусированными на проблеме освоения индивидом пространства своей повседневной деятельности.

2. Суть разработанного комплексного подхода состоит в представлении социального пространства не как явления, а как процесса, динамика, масштаб и направление развития которого определяются соотношением собственного (формируемого в процессе повседневной деятельности) и привлеченного (абстрактные представления об удаленных сферах) опыта индивида, различных социальных групп, которые интернализуют привлеченный опыт по мере его освоения в собственный в результате повседневного выполнения ими своих социальных ролей.

3. Разработана типология форм социального освоения пространства повседневной деятельности и взаимодействия в зависимости от того, осваивает ли его сам индивид и действует в нем (собственный), или использует для этого привлеченный опыт (привлеченный); теоретически объяснено и экспериментально продемонстрировано унифицирующее воздействие привлеченного опыта и дифференцирующее воздействие собственного.

4. Выявлены доминанты социального освоения пространства повседневной деятельности и взаимодействия индивидом: для формирования собственного опыта важны пол, возраст, экономический статус, квалификация, уровень образования; для формирования привлеченного опыта – сравнительная оценка

физической безопасности, коррумпированности правоохранительных органов, знание политической ситуации в стране.

5. Представлен механизм социального освоения пространства повседневной деятельности и взаимодействия, состоящий из основных элементов: собственный опыт, приобретенный в процессе социализации, и используемый индивидами и различными социальными группами для освоения пространства, и привлеченный опыт, основу которого составляют научные представления и информация; связь элементов осуществляется посредством социальной коммуникации, возникающей в ходе различных социальных обменов и взаимодействий.

6. Доказано, что приобретенный опыт, полученный через каналы социальной коммуникации, в процессе его интернализации и переводе в категорию собственного опыта проходит процедуру адаптации и перекодирования в образы, однозначно считываемые в социокультурном пространстве индивида и социальной группы.

7. Доказано, что при нахождении индивида за пределами освоенного социального пространства решающее влияние на его представления оказывает привлеченный опыт, формируемый каналами социальной коммуникации. В случае, когда привлеченный опыт конфликтует с поступающей информацией о пространстве, происходит процесс коррекции привлеченного опыта собственным, а также использование способа, интегрирующего обе формы освоения социального пространства повседневной деятельности и взаимодействия.

8. Доказано, что влияние привлеченного опыта, поставляющего через каналы социальной коммуникации отличную от индивидуального опыта информацию о ситуации в широких – локальных и национальных общностях, увеличивается по мере включения индивида в пространственно более удаленные социальные взаимодействия.

9. Выявлено, что привлеченный индивидом опыт социального освоения пространства повседневной деятельности и взаимодействия существенно

влияет на оценку положения в широких социальных группах и практически не влияет на оценку ситуации в ближайшем к индивиду пространстве, что обусловлено различными формами его усвоения (социализация, профессиональная и массовая коммуникация).

10. Разработан и апробирован инструментарий эмпирического исследования, включающий взаимодополняемые количественные и качественные методы измерения, и обеспечивающий возможность сопоставления данных, полученных в ходе компаративного исследования форм социального освоения пространства повседневной деятельности и взаимодействия в российском и американском обществах, что было подтверждено воспроизводимостью результатов, полученных на российских данных, результатами другой культурной, религиозной и экономической среды.

11. Выявлено, что в американском обществе влияние собственного опыта формирует отношение к объектам, расположенным в сфере повседневной жизненной практики индивида в значительно меньшей степени, чем в российском обществе, т.е. характер общества влияет на степень востребованности собственного или привлеченного опыта для оценки ситуации.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования определяется объективной необходимостью всестороннего анализа групповых, локальных и национальных идентичностей под влиянием социально значимых факторов и состоит в следующем:

1. Проведенное исследование осуществляет вклад в развитие междисциплинарного теоретического знания по проблематике повседневности, раздвигает границы проблемного поля и дополняет теорию и методологию социологии пространства, способствует более глубокому пониманию проблем формирования социальной идентичности, особенностей локальной социальной среды. Разработанная автором концепция собственного и привлеченного опыта и обоснование новых методологических ориентиров в исследованиях пространства повседневности позволяют вскрыть методологические

противоречия процессов социализации индивида в различных социальных пространствах. Идеи автора углубляют теоретические и методологические представления по социологии пространства и социологии повседневности, позволяет выявить причины наблюдаемой атомизации общественной жизни, а также механизмы, противодействующие этому процессу. Результаты диссертационного исследования представляют ресурс для объединения усилий исследователей, представителей властных структур и бизнес-сообщества для решения проблем формирования групповых, локальных и национальных общностей.

2. Сделанные в ходе исследования выводы и рекомендации предоставляют возможность социальным агентам, действующим на федеральном и региональном уровнях власти, принимать более эффективные решения для выработки механизмов, формирующих социальную идентичность и солидарность. Полученные результаты были использованы для планирования социологических исследований в регионах России. В центре внимания такого исследования может быть процесс укрепления межиндивидуальных коммуникаций в ходе ставших более самостоятельными индивидуальных практик и в условиях разрушения связей между представителями различных социальных групп и институтами государства.

3. Результаты эмпирических исследований представляют обширный материал как для исследователей, так и для практиков, действующих в области коммуникаций, – как массовых, так и профессиональных, – представителей властных структур, бизнес-сообщества и общественных организаций, поскольку выявляют основные формы пространственного поведения людей как в качестве потребителей товаров и услуг, так и в качестве членов гражданского общества. Теоретическое содержание работы и эмпирические данные могут быть использованы в учебных курсах по теоретической и прикладной социологии, социологии пространства, социологии повседневности, регионалистике. Материалы диссертационного исследования были апробированы автором в ходе образовательной деятельности, в ходе

практических исследований и презентаций, проводимых для различных социальных организаций, действующих на федеральном и региональном уровнях политики: представителей законодательной и исполнительной власти, средств массовой информации, представителей бизнеса, самостоятельных общественных организаций и творческих коллективов.

Апробация работы осуществлена в рамках научно-практических конференций и конгрессов общероссийского и международного уровней.

Международные мероприятия: 3-я Международная социологическая конференция «Продолжая Грушина», Москва, 28 февраля – 1 марта 2013 г.; Международный симпозиум Московской высшей школы социальных и экономических наук «Пути России. Будущее как культура: прогнозы, репрезентации, сценарии», 29-30 января 2010 г.; Третья международная конференция «Иерархия и власть в истории цивилизации», Центр цивилизационных и региональных исследований РАН, Москва, 13–16 июня 2004 г.; Международный Круглый Стол "Калининград и европейская интеграция в зеркале общественного мнения России и Европы", Самара, 2–3 марта 2004 г.

Российские мероприятия: Четырнадцатая сессия Ассоциации региональных социологических центров «Группа 7/89» Красноярск, 23–25 мая 2012 г.; Четвертый методологический семинар памяти Г.С. Батыгина «Российская наука между академической автономией и социальным заказом», Москва, 26–27 апреля 2010 г.; Четвертые чтения памяти Валерия Борисовича Голофаства «Социология вчера, сегодня, завтра», Санкт-Петербург, 23–25 марта 2010 г.; семинар «Социологические методы в практике регионального и муниципального управления», Правительство Пермского края, г. Пермь, 6–8 декабря 2008 г.; III Всероссийский социологический конгресс «Социология и общество: проблемы и пути взаимодействия», Москва, 21–24 октября 2008 г.; семинар Московского центра Карнеги «Как будут голосовать в провинции: говорят региональные социологи», 29 мая 2008 г.; Третья конференция «Телекоммуникации в российских регионах», Саратов, 25–26 мая 2008 г.;

Третьи чтения памяти Валерия Борисовича Голофаства «Социология вчера, сегодня, завтра. Новые ракурсы», Санкт-Петербург, 24–25 апреля 2008 г.; Методологический семинар памяти Г.С. Батыгина «Проблемы теории и практики получения первичных данных в социологических исследованиях», Москва, 2–3 апреля 2008 г.; .; XIII социологические чтения «Качество социальной жизни в изменяющейся России», РГСУ, Москва, 29–31 января 2006 г.; конференция «Роль СМИ в формировании гражданского общества», Москва, 9 декабря 2005 г.; семинар «Проблемы стандартизации обеспечения качества и перспективы стандартизации в социологических исследованиях», Санкт-Петербургский государственный университет, Научно-практическая конференция «Экстремальная социология: исследования с риском для исследователя», г. Надым, 17–18 сентября 2005 г.; Всероссийская научная конференция «Власть, право, толерантность», г. Краснодар, 25–27 мая 2005 г.; семинар Московского центра Карнеги «Российские регионы между думскими и президентскими выборами», XII социологические чтения «Социальная жизнь России: теории и практики» (РОС), Москва, 1–4 февраля 2005 г.; 25 февраля 2004 г.; семинар для социологов и исследователей СМИ «Теория и практика измерения аудитории», Ярославль, 30 мая – 1 июня 2003 г.

Степень апробации выводов диссертанта отражена в реализованных проектах научных коллективов с участием автора, которые были поддержаны РФФИ 98-06-80294 «Взаимосвязь ценностно-нормативных образований индивидуального и социального сознания» (1998 г.) и РГНФ 98-03-04382 «Социально-структурные детерминанты и динамика индивидуального оптимизма (пессимизма) в современной российской трансформации» (1998 г.). В рамках проектов автор анализировал различные факторы собственного и привлеченного опыта, влияющие на повседневное поведение и массовое сознание. Грантом «Трансформация типов массового сознания в новых экономических условиях» Центрально-Европейского Университета в Праге (2001 г.) было поддержано обобщение собранных данных о повседневном поведении в течение длительного времени. В рамках гранта «Калининград и

европейская интеграция в зеркале общественного мнения России и Европы» Института «Открытое Общество» (грант №297, 2003 г.) анализировались факторы, влияющие на поведение большой локальной общности в изменяющихся условиях.

Положениями и выводами диссертационного исследования автор руководствовался в своих экспертных оценках, будучи экспертом Фонда развития информационной политики (ФРИП), где начиная с января 2005 года по настоящее время принимает участие в обсуждении злободневных социально-экономических проблем российских регионов, которые нашли свое отражение в публикациях Фонда. Авторские разработки также легли в основу выводов и прогнозов регионального развития, осуществленных в рамках Регионального мониторинга Московского Центра Карнеги (2007 г.). Результаты социологических исследований и выводы, положенные в основу диссертации, прошли эмпирическую апробацию в федеральных и муниципальных органах власти: Самарской губернской Думе, правительстве Самарской области, администрации города Самары, которые используют их в текущей работе при принятии управленческих решений, а также в повседневной деятельности региональных средств массовой информации.

Публикации. По теме диссертации опубликовано 29 печатных работ, общим объемом 56,1 п.л., в т.ч. авторские – 36,1 п.л. Из них – 14 статей в журналах, рекомендованных ВАК РФ для опубликования основных результатов научного исследования.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав (пятнадцати параграфов), заключения, списка использованной литературы и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, анализируется степень ее разработанности в современной социологической литературе, определяются объект, предмет, цели и задачи, достоверность и обоснованность, методологическая база исследования, раскрывается научная

новизна диссертации, ее теоретическая и практическая значимость, формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Социальное освоение пространства как процесс» обобщается накопленный объем исследований социальных взаимодействий в пространстве, а также анализируются современные концепции «пространства» в социологии и других социальных науках: урбанистике, географии, регионалистике, политологии и философии.

Восприятие индивидом пространства во многом определяется тем, каким это восприятие сложилось в данном обществе и в данное время. Тем не менее, существуют аспекты специфически индивидуального его восприятия, которые в той или иной степени конфликтуют с представлениями социума, причем это касается не только пространства. Источником этого фундаментального конфликта является физическая определенность человека и его места в пространстве. Возникающий конфликт индивидуального и социального опыта так или иначе разрешается как в научной, так и в повседневной деятельности общества и его членов.

Все многообразие социологических теорий, так или иначе описывающих влияние пространственного фактора на процессы социального взаимодействия, автор сводит к двум основным типам. Во-первых, это исследование социальных отношений в той или иной конкретной и пространственно ограниченной среде. В основном, город, но исследовались также отношения и связи между группами и общинами, размещенными на территории более дисперсно, чем городское население. Эти теории изучают социальные отношения в условиях уже заверщенного процесса социального освоения внешней среды. Во-вторых, это исследования пространства безотносительно к наличию поселений внутри него. Это может быть территория государства, сфера, непосредственно примыкающая к индивиду, и любая иная сфера. Главный фокус исследований здесь – процесс социального освоения пространства, т.е. того, как общество в целом или через практики составляющих его индивидов размечает и использует пространство в процессе социального взаимодействия. Такое деление носит

весьма условный характер, но оно помогает систематизировать уже имеющиеся подходы к изучению пространственного фактора общественных отношений.

К первому типу теорий относится, прежде всего, анализ процессов возникновения города как исторической формы социальных отношений. В этих теориях город представлял собой точку в пространстве, которое он отменяет как протяженность и организует в соответствии со своей структурой. Наиболее последовательно такого рода теория приведена М. Вебером в его работе «Город». Со временем исследователи обращают внимание на то, что городское пространство неоднородно и люди передвигаются внутри него по определенным линиям и в определенное время, они учитывают увеличивающиеся размеры современных городов и рост возможностей для выбора различных сценариев жизни в городской среде. Эта традиция и сам термин «городская среда» впервые были предложены Р. Парком, который утверждал, что город обладает как физической, так и моральной организацией, и они взаимно влияют друг на друга.

Этот тип теорий дал начало двум направлениям изучения городского пространства. Первое, социально-психологическое, фокусируется на проблемах адаптации к нему отдельного индивида или группы индивидов. Психологи, например, С. Милграм, изучали то, как человек приспосабливается к жизни в городе, передвигается в нем, осваивает (делает своим) или картирует его. Сюда же можно отнести многочисленную сегодня группу визуальных социологов, предмет исследования которых – барьеры и каналы перемещений по городу представителей различных социальных групп. Второе направление представлено А. Лефевром и М. Кастельсом, которые утверждали, что город есть социальное объединение, созданное для решения экономических проблем, а в условиях рыночной экономики для решения задач максимизации прибыли.

Еще одно направление социологического поиска влияния пространственного размещения индивидов и групп на социальное взаимодействие – теоретическая география – изучает организацию пространства, с различной интенсивностью включенного в повседневную

деятельность человека. Изначально анализ касался лишь размещения объектов, участвующих в личном хозяйстве, а впоследствии объектов, размещенных между населенными пунктами, селами, городами (К. Лёш, Б. Верлен).

Второй тип теорий анализирует собственно пространство и процесс его социального освоения. Эта традиция восходит к Э. Дюркгейму, связывавшему численность населения, разделение труда и формы отдельных социальных институтов на данной территории, и Г. Зиммелю, который исследовал формы повседневной деятельности индивида в окружающей его социальной среде. Позже появились теории, утверждающие, что социально обозначенные и маркированные объекты создают реальность, с которой индивид вынужден считаться и воспринимать новое, приданное им значение как элемент повседневной жизненной практики. Индивид, размещенный в той или иной зоне территории (П. Бурдьё), или индивид, имеющий возможность быстрого перемещения по пространству (Ж. Бодрийяр), обладает значимым ресурсом, часто называемым социальным капиталом.

При этом все чаще стала использоваться метафора «социального пространства», т.е. особого вида пространства, свойства которого либо отражают социальные статусы индивидов и групп, либо просто являются количественным выражением этих статусов. Автор показывает, что устойчивость метафорических конструкций преувеличена, рано или поздно им на смену приходят вполне твердые и конкретные научные понятия. Процесс формирования научного знания движется от использования метафор к выработке общепризнанного научного понятия.

Сюда же необходимо отнести теории, фокусирующиеся на восприятии индивидом именно пространства повседневности, т.е. того, что дано ему в непосредственном ощущении, как он согласует полученные таким образом знания и знания, усвоенные из накопленного социумом опыта. Здесь следует отметить, прежде всего, концепцию А. Шюца и социологию знания П. Бергера и Г. Лукмана.

Пространственная составляющая идентификации индивида чаще всего происходит через его самоопределение как жителя страны, города или провинции, т.е. через принадлежность к воображаемой социальной общности. Кризис локальной идентичности, о котором писали еще Э. Дюркгейм и Ф. Теннис, необходимо рассматривать как часть общего кризиса территориальной идентичности, включающего в себя и кризис государственной идентичности, более известный как процесс «глобализации». Глобализм, будучи процессом в основном политическим и экономическим, сопровождает процесс деидентификации, характерный для современного состояния социума в различных странах. Глобальное все более деидентифицирует сознание актора, поскольку перемещают его из определенного пространства непосредственных коммуникаций в сферу взаимодействий скорее смыслов, присутствующих в массовой коммуникации, чем тел.

Кажущийся противоположным процесс активизации локальных, в том числе, этнических взаимодействий не столько противодействует процессам глобализации и социализации пространства, сколько накладывается на них. Утрата территориальной идентичности есть процесс деидентификации, а усердная идентификация (локальная, этническая, гендерная и др.) лишь указывает на место в социальном пространстве, хотя и сконструированном на основе физического (этнического, гендерного и т.д.), но являющегося лишь знаком, символом социальной позиции, чаще всего выбранной самим индивидом.

Таким образом, комплексный подход к социологическому изучению процессов социального освоения пространства повседневной деятельности и взаимодействия социальных акторов в условиях трансформации общества должен исходить из предположения о двойственности его социального восприятия. С одной стороны, пространство, которое осваивает индивид, есть сфера его повседневной деятельности. С другой стороны, пространство есть более или менее абстрактная форма представлений об удаленных от индивида сферах. Различные социологические теории обращаются к разным

представлениям о пространстве в зависимости от того, какие сферы они ставят объектом своего исследования, поэтому только комплексный подход, учитывающий достижения теорий обоих типов и включающий количественные и качественные методы сбора информации, позволяет провести исследования социального пространства как процесса, динамика, масштаб и направления развития которого определяются соотношением собственного и привлеченного опыта индивида.

Вторая глава «Типология форм социального освоения пространства» посвящена теоретическому осмыслению процесса повседневного освоения человеком своего жизненного пространства и разработке типологии форм его социального освоения.

Прежде всего, автор вводит различие между опытом, который каждый человек непосредственно получает в ходе своей повседневной практики, и опытом, усвоенным и полученным от других индивидов и общества в целом. Первый, называемый собственным, касается сфер, примыкающих к телу человека, и тех практик, в которые он непосредственно включен. Второй, привлеченный опыт, формируется на основе информации, полученной человеком в основном через средства массовой коммуникации. При этом автор отличает понятие «привлеченный опыт» от сходных, но не идентичных ему понятий «fram» Г. Гарфинкеля, «коллективный опыт» П. Бергера и Н. Лукмана и «социальный опыт» А. Шюца.

Не стоит также отождествлять понятия привлеченный и виртуальный опыт. Привлеченный опыт – это опыт, переданный от одного индивида другому (один – находящейся «там», второй – принимающий информацию первого «здесь»), как если бы они оба имели тождественное восприятие, одну и ту же систему восприятия. Этот опыт является неизбежным следствием множественной природы человека, использующего для освоения реальности специфически социальные способы повседневной деятельности в мире. Привлеченный опыт позволяет заполнить пробелы в непосредственном

восприятию реальности и дополняет собственный опыт индивида в практической деятельности последнего.

Виртуальный опыт – этот термин означает нечто вымышленное, реально не существующее, а то и целенаправленно фальсифицирующее реальность. В значительной степени это касается образов, созданных воображением отдельных индивидов, и представляющих собой сложный конгломерат отражений реального мира и фантастических процессов в сознании автора такого опыта.

Пространство всегда играло большую роль в конструировании социологических теорий. Автор приводит целый ряд теорий, в рамках которых одним из ключевых моментов было двойственное восприятие пространства и внешнего мира в целом. В частности, Г. Зиммель выделял две стороны личности: «социальную», которая явлена другим через взаимодействие с социальными институтами и другими личностями, представляющими такие институты, и «внесоциальную», которая раскрывается через взаимодействие с непосредственным окружением – членами семьи, близкими знакомыми и друзьями. Другим примером теорий, разделяющих актуальную личность на составляющие, является теория Дж. Мида, где «I» признается как источник творчества в обновляющихся социальных ситуациях, а «Me» представляет совокупность знаний, которые человек приобрел о себе в процессе принятия роли другого.

Современный этап развития социального взаимодействия отличается кризисом идентичности и даже отказом от ее поиска. Так, И. Гофман указывает на наблюдаемую полиидентичность отдельного индивида, т.е. фрагментарность его репрезентаций в различных социальных взаимодействиях, а Ж. Бодрийяр утверждает, что происходит не только традиционная смена ролей (глава семьи, пассажир в общественном транспорте, мелкий клерк в государственном учреждении, посетитель бара, партнер в сексуальном общении), но и принципиальная смена, казалось бы, навсегда приписанных ролей, например, мужчины на женщину, и даже возможность быть чем-то третьим, четвертым и

т.д. В этой изначальной дихотомии социальных ролей. З. Бауман справедливо утверждает, что ускользнуть от идентичности сегодня более важно, чем найти ее. Собственный опыт не только способствует обретению и поддержанию идентичности, но и формирует систему социальных взаимодействий в современных условиях. В противном случае потеря идентичности человеком приводит к разрушению социальных взаимодействий и, в конечном итоге, к разрушению социума в целом.

Автор опирается в своих теоретических построениях на феноменологическую социологию, в основе которой лежит представление о человеческом опыте как опыте, возникающем во взаимодействии с другими в общем с ними пространстве. Пространство этого мира А. Шюц называет «жизненным миром», миром, где реализуется человеческая практика. Причем обмен местами внутри жизненного мира возможен лишь в условиях непосредственного взаимодействия. Но, в отличие от А. Шюца, которому важен вопрос об онтологическом предшествовании духовного мира природному, диссертанту более важным представляется вопрос о соотношении индивидуального и привлеченного опыта.

Собственный опыт – следствие телесной природы человека и его размещения (в смысле обладания определенным местом) в пространстве взаимодействий, физических в том числе. Если А. Шюц указывал на ослабление влияния непосредственного опыта индивида на восприятие физически все более удаленных от него частей пространства, то автор добавляет к этой мысли утверждение об отсутствии четкой границы между непосредственным и анонимным опытом (в лексике Шюца) и собственным и привлеченным (в авторской).

Несмотря на то, что представления о пространстве взаимодействия с другими индивидами, их группами и социальными институтами человек черпает преимущественно из собственного опыта, индивидуальный опыт здесь также конкурирует с социальной коммуникацией, поставляющей свою версию реальности, которая отчасти обладает приоритетом перед собственным опытом.

Даже в сфере межличностных, глубоко интимных взаимоотношений влияние социума, введенных им регламентаций весьма заметно. Иначе говоря, собственный опыт не исключает включения социальных отношений в свое содержание, а привлеченный опыт в той или иной степени вмещает в себя особенности воспринимающего его индивида.

Однако по мере приближения к индивиду влияние собственного опыта все возрастает. Между восприятием пространства как собственного опыта и восприятием его как привлеченного опыта других существует перманентный конфликт, который можно назвать гносеологическим (познавательным) диссонансом и устранение которого невозможно в силу фундаментального характера множественности человеческой природы и многообразия познавательных возможностей человека.

Несмотря на то, что содержание собственного опыта невербализовано, несистемно и фрагментарно, в случае возникновения такого диссонанса индивид пытается согласовать собственный и привлеченный опыт. Такая конкуренция привлеченного и собственного опыта избавляет социальную коммуникацию от неизбежной закрытости миру, которая может возникнуть как следствие систематизации (как вариант – упрощения) привлеченного опыта. Собственный опыт человека является постоянно действующим корректором привлеченного опыта, формируемого преимущественно социальной коммуникацией. В случае «удачной» коррекции происходит перестройка социальных представлений о реальности, подразумевающая учет собственного опыта.

В привлеченном индивидом опыте можно выделить три основные составляющие. Во-первых, это результат интернализации, т.е. усвоения знания об окружающем мире и его институтах через воспитание и обучение. Основным источником этого опыта для индивида является его повседневное общение со своим непосредственным окружением – вербальное и невербальное, особенно в период детства и взросления. Во-вторых, это наука и научные представления о реальности (социальной и физической). Эту

информацию человек получает в ходе обучения, формального (в школе и институте) и неформального (через средства массовой коммуникации). Третьей составляющей привлеченного опыта являются знания, источник которых находится за пределами и физического, и социального непосредственного взаимодействия. Это более или менее кодифицированная информация о событиях, в той или иной степени значимых для индивида. Они доставляются ему по двум основным каналам: средства массовой коммуникации и каналы межиндивидуальной (в основном профессиональной) коммуникации.

В целях демонстрации способов коррекции привлеченного опыта собственным был проведен социологический эксперимент. Четырём профессиональным фотографам было предложено приехать самостоятельно в Самару и сделать 20 фотографий, которые, по их мнению, отражают образ города. До начала эксперимента они не знали названия города, никто из них ни разу не был в Самаре, и никакой специальной информации о нем они собрать не имели возможности, опыт посещения города был для них новым. Эксперимент показал, что отсутствие релевантного привлеченного опыта ограничивает физическую и пространственную подвижность индивида, но дает возможность более интенсивно формировать свой собственный опыт, повышать его ценность как для индивида, так и для потребителей продуктов его деятельности.

Наиболее критичной в оценках возможностей собственного опыта по сравнению с привлеченным является концепция, получившая свое обоснование в рамках постмодернизма. Постмодернизм утверждает, что наука сегодня утратила роль монопольного источника истины об окружающем индивида пространстве, излишне отягощена недопустимыми с ее же собственной точки зрения условностями и допущениями. Согласно Ж. Бодрийяру, наука погружена в повседневность, а значит, и в сферу социальной коммуникации, имеющую специфически не научную кодификацию, вместе с ее субъектами – институтами, университетами, учеными. Это касается не только профессиональной составляющей привлеченного опыта, но и всего опыта в

целом: социальная коммуникация охватывает все более широкие сферы привлеченного опыта.

В рамках главы диссертант подвергает критике постмодернистский подход к анализу социальной реальности. Несмотря на все указанные трансформации привлеченного опыта, значимую часть повседневной практики человек осуществляет при помощи собственного опыта. Реальность, каким бы образом она ни формировалась, под все более интенсивным и незаметным воздействием современных средств социальной коммуникации неизбежно корректируется опытом индивида. Более того, доминирующая фрагментарность образов реальности как бы легитимизирует индивидуальное видение реальности. Среди причин такой устойчивости собственного опыта следует выделить две. Во-первых, это множественность человеческой природы и следующая из этого неустранимость телесности человека. Во-вторых, это целостность человеческого восприятия, постоянно стремящегося ликвидировать гносеологический диссонанс и путем возникающей время от времени взаимной коррекции согласовывать собственный и привлеченный опыт.

На основе анализа критического осмысления подходов к исследованию пространства повседневности автор предлагает собственную типологию форм социального освоения пространства повседневной деятельности и взаимодействия, в основе которой лежит понимание того, как осваивает индивид это пространство: самостоятельно осваивает и действует в нем – собственный опыт; либо заимствованный посредством социальной коммуникации – привлеченный опыт.

В третьей главе **«Собственный и привлеченный опыт в освоении социального пространства: доминанты и коллизии»** автор верифицирует наиболее важные выводы из теоретической части исследования на эмпирическом материале, используя часто применяемый в массовых опросах инструмент. Это позволило привлечь к анализу данные на большом отрезке времени (более 10 лет) и в разных национальных обществах.

Использование количественного метода сбора данных для обоснования гипотез теоретического исследования, выполненного в феноменологической традиции, выглядит спорным. Общепринятым в этом случае вариантом считается применение качественных методов, таких как групповые дискуссии и глубинные интервью, методы визуальной социологии, наблюдения и другие. Автор, тем не менее, пользуясь формулировками гипотез А. Шюца о границах собственного опыта, обосновывает использование не только качественного, но и количественного метода, поскольку ставит своей целью выделить доминанты собственного опыта информанта и привлеченного опыта, поступающего к нему по каналам социальной коммуникации, одним из которых является общение с интервьюером. Иначе говоря, использование в рамках одного исследования качественных и количественных методов измерения позволило получить достоверную информацию, позволившую описать реально развивающиеся процессы в социуме. Ведь для того, чтобы изложить собственный опыт освоения пространства, респондент должен был бы обращаться к конвенциональному языку, понятному интервьюеру, что приводило бы к аберрации усилий по поиску доминант, формирующих собственный опыт респондента.

Основная гипотеза, доказательству которой посвящена эмпирическая часть исследования диссертанта, состоит в следующем: чем дальше от непосредственных физических контактов индивида (как представителя определенной социальной группы, погруженного в некоторую социальную среду) отстоит некоторый объект (расположены носители некоторых свойств, например уровня благополучия), тем в меньшей степени оценка свойств объекта определяется собственным опытом данного индивида и в большей степени – опытом, доставленным ему через каналы социальной коммуникации, т.е. привлеченным опытом.

Предметом субъективно оцениваемой индивидом характеристики локальной территориальной и общенациональной общности в нашем анализе была динамика материального благополучия: в случае индивида – его

собственного материального положения, в случае локальной и общероссийской общностей – динамика экономической ситуации в городе и стране (в первую очередь – уровень доходов населения). Эти оценки последовательно рассмотрены и сопоставлены между собой в различных социальных группах, описана динамика оценок благополучия во всех трех случаях, а также определена степень детерминации этих оценок собственным и привлеченным опытом.

Материальная составляющая социального взаимодействия была выбрана именно потому, что ее оценка является максимально доступной для отдельного респондента и актуальной практически для всех респондентов. Кроме того, как было показано в других работах диссертанта, смысловое содержание благополучия для индивида, населения города и страны примерно одинаково, что дает возможность сравнивать эти оценки друг с другом.

Основной эмпирической базой стали результаты мониторинга, проводимого под руководством автора в Фонде социальных исследований с 1991 года по настоящее время. Методом фокусированного уличного интервью в пятидесяти различных точках города опрошено более двух с половиной тысяч человек. Техника уличного интервью, имеющего форму внешне свободной беседы (в ходе которой фиксируются не только словесные ответы, но и оценка интервьюером отношения респондента к значимым обстоятельствам своей повседневной жизни), позволяет максимально избежать сухой формальности анкетного опроса, влекущей потери большого количества ценной информации.

Инструментом для оценки респондентами динамики индивидуального благополучия был следующий вопрос: «Как Вы полагаете, Ваше нынешнее материальное положение по сравнению с тем, каким оно было год назад, улучшилось, ухудшилось или осталось прежним?» Все использованные формулировки вопросов о «материальном положении», «благополучии» были протестированы перед полевым этапом исследования. Весной 1999 года почти каждый второй (46 %) сообщил, что его материальное положение за данный период заметно ухудшилось, еще четверть (25 %) опрошенных оценили

ухудшение как незначительные. Пятая часть респондентов (21 %) не почувствовали за этот период никаких изменений, и лишь 8 % назвали произошедшие перемены в целом позитивными.

Для оценки респондентами динамики экономического благополучия локальной общности исследователи использовали следующий вопрос: «Как, по Вашему мнению, изменилась за последний год экономическая ситуация в Самаре: улучшилась, ухудшилась или осталась прежней?» Более трети горожан (38 %) оценили ситуацию как серьезно ухудшившуюся, еще треть (33 %) оценили ее ухудшение как незначительное. Около четверти респондентов (24 %) не почувствовали за этот период никаких изменений. Остальные 6 % назвали произошедшие перемены позитивными. Как видим, оценка динамики индивидуального материального благополучия ниже, чем оценка динамики благополучия локальной территориальной общности.

Для оценки респондентами изменений экономического благополучия страны в целом автор использовал следующий вопрос: «Как, по Вашему мнению, изменилась за последний год экономическая ситуация в России: улучшилась, ухудшилась или осталась прежней?» Почти половина (48 %) опрошенных оценили ситуацию как серьезно ухудшившуюся, еще треть (33 %) оценили ее ухудшение как незначительное. 16 % респондентов не почувствовали за этот период никаких изменений, и лишь каждый тридцатый (3%) назвал произошедшие перемены позитивными хотя бы в какой-то степени. Таким образом, оценка динамики индивидуального благополучия позитивнее оценки динамики ситуации в городе, а та, в свою очередь, позитивнее оценки динамики ситуации в стране.

Такое соотношение – чем ближе к индивиду оцениваемая сфера материального благополучия, тем менее негативно окрашено его мнение об этом объекте – характерно и для всего населения России. Автор приводит данные Левада-центра, наглядно демонстрирующие это: чем ближе к непосредственному окружению индивида сфера оценки, тем выше он оценивает ситуацию к этой сфере.

Далее автор выделяет доминанты социального опыта, относя их по преимуществу к собственному или к привлеченному опыту. Очевидно, что такие параметры, как пол и возраст, по преимуществу формируют собственный опыт индивида, складывающийся в ходе повседневной практики индивида.

Таблица 1

Доминанты собственного и привлеченного опыта

Доминанты собственного опыта	Доминанты привлеченного опыта
Пол	Сравнительная оценка физической безопасности Сравнительная оценка коррумпированности правоохранительных органов Знание политической ситуации в РФ (для США)
Возраст	
Экономический статус	
Квалификация	
Образование	

В ходе проведенного анализа удалось получить несколько относительно независимых свидетельств того, что собственный опыт индивида в наибольшей степени влияет на оценку ситуации в пространстве, непосредственно прилегающем к индивиду, но по мере включения в пространственно более удаленных социальных взаимодействий теряет свое влияние.

Одной из доминант, имеющих преимущественно отношение не к собственному опыту, а скорее к смыслам, почерпнутым из социальной коммуникации, может быть названа сравнительная опасность насилия в России, измеренная по отношению к другим странам. Автор показывает, что для большинства населения Самары, как и всей России, характеристики, связанные с повседневным опытом пребывания в других странах, практически полностью формируются средствами массовой коммуникации, и в первую очередь прессой, т.е. являются привлеченным опытом индивида. На основе полученной таким образом информации люди делают вывод о ситуации в других регионах страны и за рубежом по сравнению с ситуацией в родном городе, а значит,

сравнительная опасность насилия внутри и вне России есть смысловой конструкт, почти полностью сформированный социальной коммуникацией.

Как показало авторское исследование, сравнительная степень опасности оказывает большее влияние на доминанты, описывающие пространственно удаленные от индивида объекты и явления, и меньшее – на те, которые принадлежат его повседневному опыту. Другими словами, чем дальше объект, характеристики которого оцениваются, тем в большей степени эта оценка формируется привлеченным опытом индивида в противоположность факторам индивидуального опыта, которые, напротив, ослабляют свое влияние.

Аналогичные данные касаются другой криминальной сферы – наркопотребления. Как показывают собранные в российских регионах данные, опасения относительно встречи с фактом употребления наркотиков или потребителем «зелья» выше среди тех социальных групп, в которых частота таких встреч ниже. Иначе говоря, чем реже человек встречается с реальным наркопотреблением, тем в большей степени он опасается повторения (возникновения) таких встреч.

Приведенные выше данные собраны в ходе опроса в мае 1999 года, т.е. в период кратковременного экономического кризиса, затронувшего Россию. Кроме них диссертант использует данные 1994 года, собранные по аналогичной методике, а также данные 2006 года, относящиеся к периоду опережающего экономического роста в стране. Таким образом, гипотеза исследования проверяется на двенадцатилетнем тренде наблюдений.

Таблица 2

Коэффициенты корреляции Спирмена, рассчитанные для данных 1994, 1999 и 2006 гг.

	Оценка локального благополучия			Оценка общенационального благополучия		
	2006	1999	1994	2006	1999	1994
Оценка личного положения	0,43	0,43	0,36	0,39	0,36	0,33
Оценка локального благополучия				0,67	0,57	0,70

Структурный анализ динамики оценок изменений материального положения индивида, локальной и общенациональной общности, выявленной в трех измерениях, разделенных значительным промежутком времени (12 лет), показал устойчивость найденных нами характеристик социального сознания – как временную, так и инструментальную. В ходе проведенного анализа автор получил несколько относительно независимых свидетельств того, что собственный опыт индивида, сложившийся на основе повседневной жизненной практики, доминирует, влияя на оценку ситуации в ближайшем пространстве, и ослабляет это влияние по мере расширения пространства. Другим источником представлений о пространстве служит привлеченный опыт, поставляющий через каналы социальной коммуникации отличную от индивидуального опыта информацию о ситуации в широких – локальных и национальных – общностях. Его влияние растет по мере включения индивида в пространственно более удаленные социальные взаимодействия.

Для обоснования полученных выводов на более широкой эмпирической базе были использованы массивы проекта «Георейтинг», реализуемого с 2003 года Фондом «Общественное мнение». В рамках этого проекта в мае 2006 года опрошено 34500 жителей в 69 регионах страны. Таким образом, на основе общероссийских данных, собранных независимо от нас путем значительных по объему выборок, получено подтверждение нашей гипотезы о том, что чем дальше от непосредственного общения с представителем данной социальной группы отстоит некоторая социальная среда (расположены носители некоторых характеристик), тем в меньшей степени оценка этих характеристик определяется, исходя из собственного жизненного опыта, и в большей степени из опыта привлеченного.

Причем это характерно даже для тех обществ, которые в своем преодолении пространства превзошли все остальные, например, для США. Важной причиной обращения к американскому опыту является необходимость проверить сделанные выше выводы на материале принципиально иной национальной и технологической социальной общности.

В нашем анализе автор обращается к результатам опросов, проводившихся по общенациональной выборке в США социологами Мичиганского Университета в 1962–2004 гг. Объемы выборочной совокупности составили в разные годы от 1522 до 3606 человек. Эти данные обладают сходством, или даже идентичностью инструмента, использовавшегося американскими коллегами. Для сопоставления был выбран массив опроса, проведенного в ноябре 1998 г.

Позитивную динамику своего материального положения отметили 52 % американцев, негативную – 21 %, а 27 % сообщили, что их положение за последний год существенно не изменилось. Нужно отметить, что в отличие от России, где 1999 год был крайне неблагоприятным, в США 1998 год был годом интенсивного экономического роста.

Проанализировав результаты исследования 1998 года, диссертант приходит к выводам о том, что нельзя однозначно утверждать об ослаблении или усилении влияния собственного опыта в оценках ситуации, находящейся за пределами этого опыта. Лишь один из четырех рассмотренных нами и формирующих этот опыт факторов по мере пространственного удаления объекта оценки перестает дифференцировать ее, в то время как два других фактора собственного опыта устойчиво усиливают свое влияние при оценке ситуации в больших общностях. Автор предполагает, что в более технологически развитых обществах с высокой интенсификацией его коммуникаций собственный опыт существенно корректируется привлеченным. Привлеченный же опыт, как и предполагала главная гипотеза исследования, существенно влияет на оценку положения в широких социальных группах и совершенно не влияет на оценку ситуации в ближайшем к индивиду пространстве.

Проведенный анализ данных, собранных в одном из наиболее развитых в экономическом и технологическом смыслах обществе, показал, что влияние собственного опыта формирует отношение к объектам, расположенным в сфере повседневной жизненной практики индивида, в значительно меньшей степени,

чем в российском массовом сознании. Богатство технологически развитых обществ способствует ослаблению влияния собственного опыта его членов и росту влияния привлеченного опыта. При этом, однако, собственный опыт продолжает корректировать смыслы, транслируемые в социальной коммуникации.

В таблицу 3 сведены основные результаты анализа статистической взаимосвязи различных аспектов собственного и привлеченного опыта в оценке ситуации в пространственно близкой и пространственно далекой сферах.

Таблица 3

Наличие статистически значимой взаимосвязи между доминантами собственного и привлеченного опыта и оценками индивидуальной и национальной ситуации (США, РФ, отсутствие связи – "-", наличие связи – "+", наличие более сильной связи – "++")

	Индивидуальная ситуация		Национальная ситуация	
	РФ	США	РФ	США
<i>Доминанты собственного опыта</i>				
Пол	+	+	-	++
Возраст	++	+	+	-
Образование	+	+	-	+
Доход		+		-
<i>Доминанты привлеченного опыта</i>				
Сравнительная оценка справедливости российского и американского обществ	-		+	
Политические предпочтения		-		+
Знание имени Президента РФ		-		+

Несложно убедиться, что приведенные результаты в целом подтверждают основную гипотезу исследования: воздействие собственного опыта на отношение человека к сферам, удаленным от него на разное расстояние, ослабляется по мере удаления от индивида, и, напротив, чем дальше от индивида отстоит некоторая социальная среда, тем в большей степени его отношение к этой среде определяет привлеченный опыт.

Основным механизмом формирования социальных представлений в сегодняшних условиях становится привлеченный опыт, усвоенный во всех трех его формах: через социализацию, через профессиональную и массовую коммуникацию. Однако в случае рассогласования содержания собственного и привлеченного опыта второй корректируется под воздействием первого. Более того, доминирующая сегодня фрагментарность образов реальности как бы легитимизирует индивидуальное видение реальности.

В **заключении** автором диссертации даны основные выводы и результаты проведенного исследования, сформулированы практические рекомендации, определены перспективные направления дальнейших исследований. В **приложении** представлены рабочие материалы исследований.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ:

Монографии, главы в коллективных монографиях

1. Звоновский, В. Б. Социология пространства повседневности / Звоновский В. Б. – Самара: «Самарский университет», 2009. – 168 с. (10,4 п. л.).
2. Звоновский, В. Б. Повседневное межиндивидуальное безличное доверие как фактор хозяйственной деятельности // Гражданское общество современной России. Социологические зарисовки с натуры: коллективная монография / отв. ред. Петренко Е. С. – Москва: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. – 524 с. (24 п. л. / 1,6 п. л.).

3. Звоновский, В. Б. Индекс доверительной стратегии. Гражданское общество современной России // Социологические зарисовки с натуры: коллективная монография / отв. ред. Петренко Е. С. – Москва: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. – 524 с. (24 п. л. / 1,3 п. л.).

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК РФ

4. Звоновский, В. Б. Московское время и российские пространства / Звоновский В. Б. // Социологические исследования. – 2011. – № 4. – С. 103–109 (0,6 п. л.).
5. Звоновский, В. Б. Социальное освоение пространства в постмодернизме / Звоновский В. Б. // Социально-гуманитарные знания. – 2010. – № 5. – С. 123–131 (0,9 п. л.).
6. Звоновский, В. Б. Представления о пространстве в социальных и естественных науках / Звоновский В. Б. // Вестник Самарского государственного университета. – 2010. – № 3. – С. 35–42 (1,1 п. л.).
7. Звоновский, В. Б. Привлеченный опыт освоения пространства / Звоновский В. Б. // Вестник Нижегородского государственного университета. – 2010. – № 2. – С. 30–35 (1,0 п. л.).
8. Звоновский, В. Б. Государственное управление исчислением времени / Звоновский В. Б. // Управленческое консультирование. Актуальные вопросы государственного и муниципального управления. – 2010. – № 4. – С. 188–196 (0,9 п. л.).
9. Звоновский, В. Б. О влиянии пространственной локализации на формы социального поведения / Звоновский В. Б. // Вестник СГТУ. – 2010. – № 1 (44). – С. 280–283 (0,4 п. л.).
10. Звоновский, В. Б. Тестирование вопросов о «материальном положении» / Звоновский В. Б. // Социология: методология, методы, математическое моделирование. – 2009. – № 28. – С. 45–65 (1,0 п. л.).

11. Звоновский, В. Б. Собственный и привлеченный опыт освоения пространства / Звоновский В. Б. // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2009. – № 4. – С. 49–66 (0,7 п. л.).
12. Звоновский, В. Б. Локализация ответственности как фактор социального поведения / Звоновский В. Б., Мацкевич М. Г. // Социологические исследования. – 2009. – № 2. – С. 45–57 (1,2 п. л. / 0,6 п. л.).
13. Звоновский, В. Б. Реализация репрезентативной выборки в массовом опросе / Звоновский В. Б. // Социологический журнал. – 2007. – № 4. – С. 25–46 (1,2 п. л.).
14. Звоновский, В. Б. Повседневное межиндивидуальное безличное доверие как фактор хозяйственной деятельности / Звоновский В. Б. // Мир России. – 2007. – № 2. – С. 133–151 (1,1 п. л.).
15. Звоновский, В. Б. Общественное мнение о наркотизме: опыт региональных исследований / Романович Н. А., Звоновский В. Б. // Социологические исследования. – 2004. – № 6. – С. 54–61 (1,0 п. л./ 0,5 п. л.)
16. Звоновский, В. Б. Электоральный транзит / Звоновский В. Б. // Политические исследования. – 2004. – № 3. – С. 33–43 (1,0 п. л.).
17. Звоновский, В. Б. Российская провинция: массовое сознание и социальные институты / Звоновский В. Б. // Общественные науки и современность. – 2003. – № 1. – С. 78–89 (0,8 п. л.).

Публикации в других изданиях

18. Звоновский, В. Б. Исследование возможностей онлайн-опросов для репрезентации больших социальных групп // Онлайн-исследования в России 2.0.: сб./ под ред. Шашкина А. В., Девятко И. Ф., Давыдова С. Г. – Москва : РИЦ «Северо-Восток», 2010. – С. 101–112. (2,2 п. л.).
19. Звоновский В. Б. Повседневное безличное доверие как фактор хозяйственной деятельности / Звоновский В. Б. // Социальная Реальность. – 2008. – № 7. – С. 99–109 (1,3 п. л.).

20. Звоновский, В. Б. Политика в пространстве жизненных интересов молодежи / Звоновский В. Б. // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2007. – № 1. – С. 54–61 (1,0 п. л.).
21. Звоновский, В. Б. Локализация ответственности за свое материальное положение / Звоновский В. Б., Мацкевич М. Г. // Социальная Реальность. – 2006. – № 4. – С. 85–95 (0,9 п. л. / 0,5 п. л.).
22. Звоновский, В. Б. Социокультурные факторы административного ресурса в российских провинциях / Звоновский В. Б. // Гражданское общество и политические процессы в регионах. Рабочие материалы Московского Центра Карнеги: сб. – № 3. – Москва: издательство Центра Карнеги, 2005. – С. 48–55 (0,5 п. л.).
23. Звоновский, В. Б. Социально-структурные детерминанты экономического оптимизма/пессимизма / Кесельман Л. Е., Звоновский В. Б. // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. – 1997. – № 6. – С. 11–16 (1,6 п. л.).

В материалах международных и российских конференций

24. Звоновский, В. Б. К проблеме формирования феномена патриотизма в современном российском обществе / Воронцова А. Б., Звоновский В. Б. // Контексты социального знания: сб. Самара: Издательство «Универс-групп», 2005. – С. 72–84. (1,1 п. л. / 0,7 п. л.)
25. Звоновский, В. Б. Общероссийское, локальное и индивидуальное в сознании населения крупного центра (города) / Звоновский В. Б. // Иерархия и власть в истории цивилизаций: тезисы докладов. – Москва : Изд-во РГГУ, 2004. – С. 44–45 (0,1 п. л.).
26. Звоновский, В. Б. Отношение россиян к Западу как элемент национальной идентичности / Звоновский В. Б. // Калининград и европейская интеграция в зеркале общественного мнения России и Европы: сборник материалов Международного круглого стола. – Самара: Фонд социальных исследований, 2003. – С. 151–169 (0,7 п. л.).

27. Звоновский, В. Б. Поведение и ценностные ориентации различных социальных групп населения С.-Петербурга и Самары / Мацкевич М. Г., Звоновский В. Б. // Ценностные ориентации и социальное поведение в изменяющихся условиях. Региональные аспекты. – Самара, 1995. – С. 44–64 (1,4 п. л. / 0,7 п. л.).

В зарубежных изданиях

28. Shaykhutdinov R., Konitzer A., Pacek A., Zvonovksii V. Education, The Economy, and Post-Modernity Values in Russia: Evidence from the Chechnya Conflict / Shaykhutdinov R., Konitzer A., Pacek A., Zvonovksii V. // European Journal of Economic and Politic Studies. – 2010. – № 3. – P. 101–120 (1,5 п. л. / 0,5 п. л.).
29. Zvonovsky, V. The New Russian Identity and the United States / Zvonovsky V. // Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization. – Vol. 13, Number 1 (Winter 2005). – P. 154–167 (1,2 п. л.).